

УРБАНИСТИКА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Яков Риер
Могилев, Беларусь

В статье сравниваются исторические пути становления и развития средневековых городов на западе, в центре и на востоке Европы. Рассмотрены причины опережающего развития западноевропейских городов в экономическом и социальном плане, связанные с более быстрыми темпами феодализации. В Центральной и особенно, в Восточной Европе, позднее закрепощение крестьян не стимулировало отток сельских ремесленников в города. Сказалось и формирование городов на востоке как резиденций княжеской власти, в которых собственно городское население не получило тех прав, которые сложились на западе.

Ключевые слова: *город, ремесленники, купцы, самоуправление, права, свободы*

Анализ средневековой городской истории нашего континента логично начинать с его запада, где города не то, чтобы появились раньше, чем в Восточной Европе, но именно на западе города развились в самостоятельные субъекты, постепенно определившие всю динамику развития западной цивилизации. На востоке, да и, поначалу, в центре континента города долгое время играли подчиненную роль лишь к концу XIX в. их значение стало динамично расти.

Возникновение городов в средневековой Европе, как известно, связано, прежде всего, с выделением профессионального ремесла и его отделением от сельского мира из-за поисков более устойчивого спроса, чем могли обеспечить немногочисленные сельские соседи ремесленников. И, хотя не ремесленники были первыми в отделении от сельского хозяйства – первыми были торговцы – именно ремесленники создавали устойчивые поселения, хотя, естественно, рядом или совместно с купеческими торжищами.

Произошло названное отделение от крестьян по всему континенту примерно в одно и то же время – на рубеже I-II тыс. – когда в деревнях от Атлантики до Днепра накопилась критическая масса ремесленников-профессионалов. Но на западе Европы процесс образования и, особенно, разрастания городов – и по численности, и по количеству жителей – происходил интенсивнее из-за более динамичной феодализации деревни и втягивания крестьян, вследствие этого, в зависимость. Не связанные, в отличие от крестьян, с землей, ремесленники не желали терять своей свободы и уходили от поместного гнета.

В Центральной и Восточной Европе процессы феодализации в силу, прежде всего, географических условий, начались позже и происходили медленнее. Поэтому здесь рост городов не стимулировался социальными интересами ремесленников. К тому же, и это особенно касается древнерусских земель, политическое развитие здесь тоже было, во многом, иным, чем на западе – территориальная власть формировалась не из разраставшихся сеньорий, а из дружинных центров, которые основывали вожди с своими воинами для контроля за торговыми путями и окрестными территориями.

Поэтому на западе города становились именно хозяйственными ячейками неаграрной деятельности при сохранении политической власти в сеньориальных замках, а на востоке в города превращались резиденции князей с их дружинами, которые обрастали торгово-ремесленными посадами. И хотя в Западной Европе многие города тоже возникали под стенами замков, но их жители получали особый автономный статус – становились бюргерами с особыми правами и внутренним самоуправлением.

В западно- и, особенно, восточнославянских землях города, если и формировали по началу свои выборные органы власти – веча, то в дальнейшем их права не расширялись до

особых конституций (типа известного у нас Магдебургского права, а были и другие аналогичные нормы), а, наоборот, постепенно попадали под власть княжеских администраций. Исключение долгое время составляли Псков и Новгород в силу как развитых торговых связей с Балтикой, так и отдаленности от древнерусских княжеских центров. Но и в них тон задавали не собственно горожане, а жившие в городах окрестные землевладельцы-бояре, активно участвовавшие во внешней торговле своими сельскими ресурсами. В отличие, например, от большинства западных городов (кроме Северной Италии), в которых феодалы вообще не имели прав на получение городского статуса.

В результате таких особенностей и контроля землевладельческой аристократии в древнерусских городах не сложилась и корпоративная система самостоятельных ремесленных цехов со своими особыми уставами, что отразилось на всей дальнейшей общественной и экономической истории региона.

На Западе при наличии внутригородской автономии у городского населения существенно менялись стереотипы поведения (ментальность): труд уже не божье наказание за грехи, он полезен, необходим для жизни. Из-за нарастания всеобщей потребности в деньгах происходила и реабилитация торговой деятельности. Даже церковь с XIII в. начинает оправдывать торговцев, хотя религиозная доктрина продолжала исходить из того, что хозяйственная деятельность должна ограничиваться моральными ценностями, независимыми от экономических интересов. То есть торговец должен быть честным и скромным в своих устремлениях. Осуждались ростовщики, но не ссуды, векселя, залоги и т.п. В отличие от феодалов, тративших собираемую ренту на себя, горожане, тоже заботясь, естественно, о личном благополучии, в интересах своей деятельности регулировали налоги так, чтобы они не вредили их делам. Что, в итоге, превращало города в очаги прогресса.

Постепенно главным для горожанина становится не поиск покровителя (что типично для феодального менталитета), а предпринимательство. Сочетание германских и античных представлений создало специфическую смесь корпоративности и сословной замкнутости с представлениями об индивидуальных правах и частной собственности. Отсюда – бурное развитие экономически самостоятельных городов, что предопределило интенсивные преобразования феодальных порядков, быстрое, относительно других регионов, их изживание и формирование предпосылок для развития рыночной экономики. Одновременно происходило складывание гражданского общества, первым шагом к которому стали избираемые всеми полноправными бюргерами городские Советы.

В указанных условиях в западных городах начали возрождаться такие античные свойства личности, как рационализм, практичность, расчетливость, породившие в наиболее урбанизированной и экономически продвинутой Северной Италии Ренессанс с его гимном индивидуализму. Отсюда – развивавшееся затем гуманистами представление о человеке как центре мира.

В развитии западных городов, как и общества в целом, через серию драматических конфликтов (вспомним борьбу за инвеституру, «Диктат папы» Григория VII и унижение Каноссой императора Генриха IV) к XII в. в Западной Европе сложился известный компромисс: *«Богу – богово, кесарю – кесарево»*, что, по сути, означало *разделение властей*. Церковь добилась иммунитета своей организации, но вынуждена была признавать и суверенность светской власти. А последняя точно также вынуждена была мириться с городскими свободами.

Эти свободы породили еще один западный феномен: уже упоминавшиеся независимые профессиональные корпорации – ремесленные цехи, купеческие гильдии – жившие по своим уставам, со своими особыми правами и гарантированными *свободами*. Вспомним средневековую городскую поговорку: *«каждый в своем праве»*, которая в гуманистической философии и практике эпохи Возрождения дополнилась признанием индивидуальных прав.

Развитие и усложнение рыночных связей повышало роль купцов, как необходимых посредников между производителями и потребителями. Цеховое ремесло несколько

столетий ревностно охраняло себя от всяких посягательств со стороны купцов. Тем не менее, в условиях развития товарного хозяйства, мелкий производитель постепенно, из-за экономического превосходства массового сбыта над разрозненной мелкой розничной торговлей ремесленников, оказывался в зависимости от торгового капитала. Особенно активно купечество разрушало цеховые барьеры в тех отраслях, где ремесленники работали на массовый рынок и на привозном сырье (в сукноделии). В этих условиях там, где сложилось разделение труда между отдельными городами и была высокая плотность населения (Северная Италия, Фландрия) уже в XIV-XV вв. стали спорадически возникать ранние капиталистические мануфактуры.

Купец оказался самой подвижной, динамичной, рискованной, с широким кругозором фигурой в Средние века. В определенной степени можно утверждать, что не развитие ремесла, а именно торговля и рынок, а значит, и купец создавали в Европе основу капитализма [1]. И именно в Западной Европе. В ней, благодаря городским свободам и традиционному невмешательству государственной власти в экономические процессы, сложился свободный рынок собственников. Развитие купечества способствовало формированию устойчивого спроса, что, в свою очередь, стимулировало уже в XIV-XV вв. технический прогресс, невиданный в других регионах. Купцы, часто выступая в качестве предпринимателей – организаторов мануфактур, вносили и в производство новую психологию – идею себестоимости и экономии производственных ресурсов [2, с.53-68].

Но капитализм – это не только рынок. Необходимо, чтобы рынок был свободным для всех, не монополизировался властями (как на Востоке) или немногими. Нужна конкуренция массы собственников, что и было подготовлено западноевропейским средневековым развитием. В Западной Европе масса собственников сумела отстоять свои права друг перед другом и перед господствующими слоями. Только в Западной Европе город полностью отделился от аграрного мира, постепенно возвысился над ним, вызвав преобразования и в деревне – бастионе феодализма и, тем самым, сделал переход к капитализму массовым [3].

В Центральной Европе – в Польше, Чехии, Венгрии – указанные процессы были заторможены поздним закрепощением крестьян и, отсюда, первоначальной малолюдностью городов. Здесь уже великокняжеская и королевская власть сама, в фискальных целях, поощряла развитие городов. Но, из-за недостаточной заинтересованности собственного сельского населения способствовала западной, в основном немецкой иммиграции из перенаселенных германских городов. Оттуда приходили и нормы западного городского права и экономический рост. Но для региона это, все же, было как бы вторичным и здешние города не стали такими центрами и двигателями прогресса, как на Западе.

Развитие городской экономики, однако, отрицательно повлияло на положение крестьян. Как и на Западе, феодалы оказались заинтересованными в увеличении доходов. Однако западный вариант с коммутацией повинностей (освобождением крестьян) был здесь невозможным из-за того, что большинство крестьян, как отмечалось, еще оставалось лично свободным. Произвольно повышать ренту было и затруднительно, и опасно, ибо нарушало традиции. Но растущий спрос городов на продовольствие сулил землевладельцам большие выгоды. И с рубежа XIII-XIV вв. в странах Центральной Европы начался процесс наступления на земельные права крестьян, на общинные угодья. Заинтересованные в рабочих руках, феодалы добивались от властей прикрепления крестьян к земле, что и привело к появлению крепостного права в XV-XVI вв.

Таким образом, развитие городов в Центральной Европе в силу медленного формирования феодальных порядков в деревне привело не к реорганизации, как на Западе, форм крестьянской зависимости, а к укреплению ее в той форме (крепостничество), которая в западноевропейских странах была уже изжита. В итоге феодальное общество в регионе укрепилось, что при переходе к новому времени отрицательно сказалось и на развитии городов. Общие социальные процессы региона замедлились, и он надолго превратился в аграрный придаток Западной Европы.

На Руси, как отмечалось, вечевой строй не перерос в городское самоуправление. Уже изначально в вече «дела решались не по большинству голосов, не единогласно, а как-то совершенно неопределенно сообща» [4, с.37]. Существовал патриархальный авторитаризм – в вече участвовали только главы семейств. Интересы меньшинства не учитывались [5, с.77]. Но это был для тех времен все же менее авторитарный способ управления, чем княжеский. Со второй половины XI в., как известно, роль городского самоуправления повысилась вплоть до решения судеб князей, а к началу XIII в. оно стало вмешиваться даже в утверждение наследников на родовых столах и в княжий суд. К этому времени, утверждает К.Конюхов, был достигнут баланс между княжеской властью и общинным самоуправлением, вариантом которого и был вечевой строй [6]². Но, продолжает исследователь, нашествие монголов стало роковым рубежом в истории русского самоуправления – у русских князей появился сеньор – хан Золотой Орды³. Городские общины утратили главный рычаг влияния на власть – возможность смещения и назначения правителей. Попытки городских самоуправлений отстаивать свои права жестоко подавлялись монголами и князьями.

Лишь в Новгороде до поры прежняя система, возникшая еще в докняжеский период, сохранилась [10]. Но там было самоуправление не столько горожан, сколько нескольких десятков семей землевладельцев-бояр, имевших владения и в городе. Т.е. они по интересам были не бюргерами, а феодалами, связанными с рынком и речь можно вести, как заметил Н.Брянцев, о «феодальной олигархии» [см. 11]. Впрочем, и в домонгольское время «сам строй Киевского государства, характер власти князя и окружающей его знати сводил на нет в большинстве городов роль народных собраний». Из дружинной среды избиралась и городская администрация [12, с.26].

Полагаю, однако, что причины исчезновения, подавления традиций самоуправления, лежат не только в трагичной вехе русской истории – монгольском завоевании. Они – и в том общинном коллективизме, который в силу, прежде всего природно-географических условий, подавлял и подавил естественную тягу людей к самостоятельному ведению хозяйства. Сказалась и общая разреженность населения.

В отличие от Западной Европы здесь не сложилось и бюргерского сословия. В городах, повторяю, жили окрестные феодалы, а сами города не отделялись от аграрного мира, были опорными пунктами феодальной системы, центрами сбора ренты, как и на Востоке. Оттого усиление центральной власти в Московской Руси не было подкреплено экономическим усилением городов, что способствовало общему замедлению развития [13, с.91; 14; 15]. В таких условиях характер и стиль поведения купечества «формировались в России в обстановке, далекой от духа свободного предпринимательства» [16, с.141].

Сказалось и различие в дихотомии государство – церковь. На Западе политически и юридически самостоятельная церковь изначально соперничала со светской властью, что, наряду с вассально-ленными порядками («вассал моего вассала не мой вассал») выработало, как отмечалось, практику *разделение властей*. На Руси же византийская традиция способствовала огосударствлению церковной организации. Государство оказалось вездесущим и поглотило все общественные институты [См. 17].

В итоге города в Восточной Европе формировавшиеся, прежде всего как центры торговли и собираемой дани, в которых княжеская власть выступала в роли контролера и администратора этого процесса, таковыми центрами власти оставались и в дальнейшем, что замедляло их социально-экономическое развитие, препятствовало превращению в двигателей хозяйственного, а, значит, и общественного прогресса.

² Впрочем, оценка роли веча на Руси среди специалистов далеко не однозначна. А.П.Новосельцев считал, что она, как и вообще пресловутое народовластие (соборность) Руси преувеличены и не подтверждены источниками [7,1985; 8, 1952].

³ Впрочем, «татаризацию» Руси нельзя переоценивать. Возникновение специфических форм русского самодержавия указывает скорее не на восточные, а на византийские корни, считает германский историк Э.Хёш [Цит. по: 9, с.126].

Рассматривая особенности древнерусских городов, нельзя не упомянуть и о восходящей к И.Я.Фроянову концепции *городов-государств* на Руси. Представляется, что сравнение и с древнегреческими *полисами*, и со средневековыми североитальянскими независимыми городами некорректно. Ибо городах-государствах господствовали не князья со своими дружинниками, как на Руси (т.е. протофеодалы), а собственно горожане (бюргеры, ит. – пололаны), т.е. представители не связанного с землевладением третьего сословия – будущие буржуа. Древнерусские же города формировались, да и развивались как феодальные центры. Из княжеского окружения выходили и городские посадники, осуществлявшие административную власть в городах, сводя на нет в большинстве городов роль народных собраний [Рогожин, С.26-27]. Отсюда и дальнейшая специфика средневековых русских городов, так и не превратившихся в самоуправляемые коммуны.

Иными словами, урбанизация на Руси не выходила за рамки феодальной системы и не рождала рыночные отношения, что надо учитывать тем, кто часто вспоминает скандинавское определение Руси как «Гардарика» (страна городов).

Все рассмотренное выше целиком относится и к домонгольским городам на белорусских землях. В рамках ВКЛ здесь началась определенная вестернизация. Наиболее яркий ее признак – распространение Магдебургского права. И это предопределило определенный прогресс городской жизни на наших землях в XV-XVII вв. Но политические коллизии последующего времени прервали данный процесс.

1. Малинин Ю.П., Коцюбинский Д.А. Ранний западноевропейский капитализм и его феодальные истоки/ Ю.П.Малинин, Д.А.Коцюбинский // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб. 1996. С.23-33.
2. Сунягин Г.Ф. Промышленный труд и культура Возрождения / Г.Ф.Сунягин. Л. 1987.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм / Ф.Бродель. М. 1988. Т.2.
4. Кавелин К.Д. Наш умственный строй/ К.Д.Кавелин. М. 1989.
5. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта / А.С.Ахиезер. М. 1991. Т.1.
6. Конюхов К. Самоуправление Древней Руси/ К.Конюхов// Диалог. 1998. № 6. С.49-53.
7. Новосельцев А.П. Некоторые черты древнерусской государственности в сравнительно-историческом аспекте (постановка проблемы)/ А.П.Новосельцев// Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М. 1986. С.35-42.
8. Пашуто В.Т. О мнимой соборности в Древней Руси / В.Т.Пашуто // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М. 1952. С. 163-214.
9. Ронин В.К. Хёш Э. Культура восточных славян/ В.К.Ронин// Русь между Востоком и Западом: культура и общество, X-XVII вв. (Зарубежные и советские исследования). М. 1991. Ч. 1. С.114-136.
10. Янин В. Русь на Волхове / В.Янин // Родина. 1999. № 8. С.22-24.
11. <http://www.diletant.ru/polls/131/>
12. Рогожин Н.М. Проблемы развития государственности России X-XVII в./ Н.М.Рогожин// Судьба двух империй: Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения. М. 2006. С.22-46.
13. Сванидзе А.А. О феномене средневекового урбанизма: заметки в связи с конференцией/ А.А.Сванидзе// Средние века. 1995. Вып.58. С.88-94.
14. Толочко П.П. Задачи историко-археологического изучения Южной Руси/ П.П.Толочко// Проблемы археологии Южной Руси. К. 1990. С.3-6.
15. Хачатурян Н.А. Феномен корпоративизма/ Н.А.Хачатурян// Общности и человек в средневековом мире. М.-Саратов. 1992. С.17-23.
16. Перхавко В.Б. Выводы и своды купцов феодальной России/ В.Б.Перхавко// Купечество в России. XV – первая половина XIX в. м. 1997.
17. Лучицкая С.И. Заметки на полях дискуссии/ С.И.Лучицкая// Одиссей – 2001. М., 2001. С.56-61.